Нормативные теории журналистики: кризис и ревизия подхода

Н.А. ФЕДОТОВА

В статье рассмотрены предпосылки возникновения нормативных теорий журналистики, обозначены факторы, которые обуславливают необходимость их ревизии и пересмотра в различных исторических, социальных, политических условиях. В публикации учтены и рассмотрены технологические, экономические, коммуникационные изменения, которые ставят вопросы о приоритетах журналистики и ведут к пересмотру сформировавшихся представлений о нормативности журналистики.

Ключевые слова: нормативные теории, журналистика, пресса, комиссия Хатчинса, теория социальной ответственности, пересмотр нормативных представлений.

The article discusses the prerequisites for the emergence of normative theories of journalism, identifies the factors that necessitate their revision in various historical, social, political conditions. The publication takes into account and considers technological, economic, communication changes that raise questions about the priorities of journalism and lead to a revision of the established ideas about the normativity of journalism.

Keywords: normative theories, journalism, press, Hutchins commission, theory of social responsibility, normative revision.

Введение. На протяжении десятилетий в советском и зарубежном научном дискурсе нормативные теории имели приоритетное значение при описании роли и места средств массовой информации в общественном устройстве. Вместе с тем, сегодняшняя ситуация глобальных социальных и технологических трансформаций ставит вопросы, которые ведут к пересмотру устоявшихся представлений о нормативности журналистики. Так, в условиях всеобщего производства и потребления контента возникают вопросы о приоритетах журналистики, которых следует придерживаться. О влиянии интернета на необходимость ревизии нормативных подходов. О последствиях для нормативных отношений журналистики и общества, которые вызваны изменениями экономического, технологического, коммуникационного порядка, сопровождающими процесс медиадеятельности.

Цель настоящей статьи – рассмотреть предпосылки возникновения нормативных теорий журналистики и обозначить факторы, обуславливающие необходимость их пересмотра. Поставленные для решения задачи условно разделим на несколько смысловых блоков: 1) когда и в силу каких причин возникли нормативные теории журналистики; 2) как с позиции нормативности понимается журналистика при различных социально-исторических укладах; 3) какие факторы вызывают кризис нормативных предписаний, необходимость их ревизии и изменение взгляда на возможности журналистики в современных условиях.

Основная часть. В учебных и научных источниках по журналистике возникновение идеи о «правильной» ответственной прессе, которая руководствуется принципами саморегулирования, связывают с деятельностью в 1940-х гг. в США Комиссии Хатчинса (например, [1], [2]). Чтобы обозначить предпосылки создания Комиссии, обратим внимание на социально-политический контекст того времени, который определял условия работы средств массовой информации.

1930-е гг. для газет США исследователи называют периодом травмы [3], который был вызван серьезными разногласиями в толковании Первой поправки Конституции, гарантирующей свободу прессы. Пресса трактовала Первую поправку исключительно в своих интересах и считала себя свободной действовать без какого-либо вмешательства в сбор и представление новостей, а также в ведение бизнеса. С другой стороны, увеличивалось количество судебных процессов с участием газет, благодаря чему появилось иное толкование Первой поправки, «автором» которого был суд. Свобода печати определялась как право народа получать информацию, необходимую для выживания в быстро меняющемся мире, а не как право издателей действовать без учета потребностей людей.

Меры по регулированию газетного бизнеса коснулись законодательства о заработной плате и продолжительности рабочего времени, что напрямую затрагивало финансовые интересы

издателей. Пресса, стремясь защитить права собственности, а также деятельность по распространению информации, оказалась в ситуации противостояния с федеральным правительством.

Как отмечает Маргарит Бланшар, это противостояние имело и политический характер: «Свобода печати стала лозунгом для многих руководителей газет и отождествилась с идеей невмешательства правительства в деятельность прессы. Этот аргумент был расширен некоторыми, чтобы любой план администрации Рузвельта, который будет стоить газетам денег, включая Закон о социальном обеспечении, был добавлен к списку опасностей для свободы прессы. Необходимость защитить права собственности на прессу и предоставить газетам прочную финансовую базу для работы превратилась в вендетту против одного из самых популярных президентов в истории Америки» [3].

В это же время раскол между интересами общества и интересами владельцев газет использовали критики прессы, которые клеймили ее за выраженный коммерческий интерес и стремление отвечать запросам высшего класса, но не учитывать пожелания народа. Так, министр внутренних дел при президенте Рузвельте Гарольд Л. Икес предостерегал: «Свободное и просвещенное общество не может наслаждаться опасной роскошью прессы, которая стремится к привилегиям для себя... и в то же время безразлично к своим обязательствам» [3].

В такой ситуации в 1942 г. Генри Р. Люс, глава империи журналов Time, решил заявить о важности системы свободной прессы в США. Надо отметить, сам Люс охватывал треть всего грамотного взрослого населения страны через издания своей журнальной империи, и можно предположить его личную заинтересованность в этом вопросе. Чтобы понять, к чему принцип свободы печати обязывает лично его, Генри Люс предложил Роберту Хатчинсу, президенту Чикагского университета, собрать экспертную комиссию, которая занялась бы анализом прав и обязанностей прессы. Хатчинс предложение поддержал, а Люс взял на себя финансирование работы комиссии.

Результат трехлетней работы – отчет Комиссии Хатчинса «Свободная и ответственная пресса» – был опубликован в 1947 г. и стал классикой американского разговора о свободе слова. Как отмечает Стивен Бейтс, изучавший архивы комиссии, не приходится сомневаться, что этот доклад повлиял на научные исследования проблем журналистики, подведя фундамент под теорию социальной ответственности. Но о его воздействии на практическую журналистику сложно сказать что-то определенное [4]. Мало того, С. Бейтс полагает, что отчет Хатчинса спасла от забвения работа Ф. Сиберта, Т. Питерсона, У. Шрамма «Четыре теории прессы» (1956).

Как известно, сравнительное описание четырех теорий прессы – авторитарной, либертарианской, советской коммунистической и социальной ответственности, – предложенное американскими исследователями и опиравшееся отчасти на результаты работы Комиссии Хатчинса, десятилетиями являлось наиболее полным и весьма востребованным в теоретических кругах. Трудно найти статью или книгу, которая имеет отношение к теории журналистики, где не упоминалась бы книга этих авторов. Ценность четырех теорий заключалась в том, как точно они указывали, какое место СМИ занимают в том или ином обществе [5, с. 16].

Как писали сами авторы, их книга рассматривает, «почему пресса такова, какая она есть, и почему она служит разным целям, и почему в разных странах она появляется в самых различных формах. Почему, например, пресса в Советском Союзе так не похожа на нашу, а пресса Аргентины так отличается от британской прессы» [6, с. 16].

Есть и иные исследовательские мнения относительно истоков нормативно-теоретического подхода к прессе и времени их возникновения. С.Г. Корконосенко называет ссылки на 1950-е гг. «ритуальными» и полагает неверным буквалистский подход к объекту изучения, при котором нормативные теории обязательно носят это название и получили оформление в виде развернутой концептуальной схемы. По мысли профессора Корконосенко, нормативная теория может проявляться как устойчивая профессиональная идеология и соответствующие методики редакционной работы, а также в виде непризнанных современниками взглядах и декларациях профессиональных принципов [7, с. 16]. Исходя из таких идей, он предлагает учитывать три типа нормативного понимания журналистики – директивный, профессионально-деонтологический и профессионально-прагматический – и брать отсчет их появления в России с XVIII ст.

Обобщая представления о нормативных теориях журналистики, их можно свести к описанию того, какие роли СМИ должны играть в идеале, рекомендуют идеальную практическую деятельность и предвидят некие «идеальные варианты» последствий от такой деятельности. Важно отметить, что нормативные теории основываются не на эмпирических наблюдениях, а на том, как должно быть [8].

Характеристика деятельности СМИ в разных странах при различных общественных укладах, которая содержится в нормативных теоретических подходах, может быть использована для: детального исследования специфики политических и медийных систем; проведения сравнительного анализа сходств и различий медиасистем, существующих в уникальном политическом, экономическом, культурном, национальном контексте; установления типов связей между СМИ, другими социальными институтами и участниками процесса медиапроизводства; фиксации институционального характера журналистики, который подкрепляется осознанием общих ценностей и целей.

Как полагают российские разработчики журналистской теории, есть основания утверждать, что нормативное содержание присуще большинству попыток обосновать ту или иную роль журналистики в обществе. При этом, говоря о нормативных теориях, «следует иметь в виду ...наличие идеала, элементов моделирования, интеллектуального конструирования наилучшего образа прессы» [7, с. 14].

Сами создатели четырех теорий подчеркивали множественность нормативных теорий, поскольку всякая медиасистема не руководствуется какой-то одной теорией прессы, а придерживается «своей» версии нормативного взгляда на журналистику. При характеристике системы СМИ разных стран они предлагали учитывать такие различия: способность страны платить за свою прессу; уровень технических достижений и ресурсов; степень урбанизации. Отношение социальных систем к прессе отражены в базисных представлениях, которые это общество разделяет относительно природы человека, природы общества и государства, отношения человека к государству и природы знания и истины [см. 6, с. 16–17].

Отчасти причина в том, что «пресса всегда принимает форму и окраску тех социальных и политических структур, в рамках которых она функционирует. В частности, пресса отражает систему социального контроля, посредством которой регулируются отношения между отдельными людьми и общественными установлениями» [6, с. 17]. Вместе с тем, наличие представлений о нормативности позволяет сформулировать некие общие принципы, на основе которых можно классифицировать каждый отдельный случай национальной медиасистемы.

Так, в 1990-х гг. трансформация политического строя и формирование нового социально-экономического уклада на территории бывшего Советского Союза создали почву для появления новых возможностей журналистики и пересмотра теоретических представлений о профессии. Напомним, авторы четырех теорий прессы характеризовали систему советской массовой коммуникации, исходя из следующих положений: средства массовой коммуникации: используются как инструмент государства и партии; составляют единое целое с другими инструментами государственной власти и партийного влияния; используются для обеспечения единства внутри государства и партии; используются как инструменты государственных и партийных «обличений»; используются почти исключительно как инструменты пропаганды и агитации; характеризуются строго выполняемыми обязанностями [6, с. 179].

В результате преобразований 1990-х гг. профессор Е.П. Прохоров, автор одной из нормативных теорий журналистики, предложил при изучении журналистики «исходить из того, что с нарастанием действия глобализирующих факторов, проявляющихся в драматически проходящем формировании единого и взаимосвязанного мира на новых цивилизационных основах открытого гуманистического общества, СМИ призваны играть роль информационного обеспечения демократического гуманистического развития общества» [9]. И признать, что журналистике органична роль «четвертой власти», реализующей функции непосредственной демократии.

Российский исследователь И.И. Засурский, фиксируя глобальные концептуальные сдвиги, сопровождавшие журналистику 1990-х, не склонен идеализировать представления журналистов о модели «четвертой власти» и трактует ее роль так: «Важность концепции «четвертой власти» для журналистов состояла в том, что она помогала подвести идеологический фундамент под сложившееся положение вещей, то есть легитимизировать независимый статус СМИ. Кроме того, эта концепция вносила некоторую определенность и в новые задачи средств массовой информации» [10, с. 16]. Однако глубоко укоренившаяся традиция советских СМИ вместо задач «информирования или формирования достоверной картины реальности», как и прежде, ставила задачи «просвещения, агитации и организации масс во имя истинных ценностей и идеалов» [10, с. 16].

Обзор учебных пособий для студентов факультета журналистики Белорусского государственного университета, где содержится анализ журналистской практики «переходного периода» 1990-х гг., показывает, что их авторы в целом придерживаются представлений нормативности. Однако помимо «чистой теории» можно выделить и прагматический ракурс, отражающий реалии профессии того исторического периода.

При характеристике журналистики 1990-х гг. в учебных пособиях:

– отмечено, что «белорусские СМИ находятся в процессе эволюции от традиционной для советских времен командно-пропагандистской модели к так называемой «обслуживающей модели». Вместе с тем, «вряд ли уместно сводить всю практику СМИ к обслуживающей модели, пока они используются как инструмент культурного и идеологического воздействия, а не только как орудие рекламы и предмет для продажи» [11, с. 18–19];

– описана модель «четвертой власти» в Беларуси с учетом специфики национальной практики: «...У сярэдзіне 1990-х была апрабавана мадэль журналістыкі як «чацвёртай улады» з гарызантальнай сеткай выданняў і крэда апазіцыйнасці да іншых улад. Адначасова журналістыка адчула сваю дамінуючую ролю ў палітычным поспеху ў электрарата» [12, с. 7];

– закреплён нормативный тезис о «распространении мнений и идей»: «Развітая сістэма журналістыкі патрабуе занятасці ўсіх інфармацыйных «ніш», што азначае прысутнасць у ёй сродкаў інфармацыі розных пазіцый, праблемна-тэматычных напрамкаў, меж распаўсюджання і аўдыторнай арыентацыі. Крытэрыем развітасці сістэмы журналістыкі з'яўляецца магчымасць кожнага слоя аўдыторыі атрымаць усю неабходную інфармацыю з двух–трох даступных СМІ» [13, с. 49].

Помимо общественно-политических и экономических факторов пересмотр представлений о журналистике в 1990-е гг. в Беларуси был обусловлен зарубежным влиянием и участием. Западные журналисты приезжали в страну проводить тренинги, чтобы обучать белорусских коллег. Обучение было направлено на формирование идеи «журналистика как технология» – тщательно просчитанная практика сбора фактологического материала, его структурирование и уравнивание различными мнениями в процессе производства текстов [14, с. 312].

То есть, ситуация «переходного периода» 1990-х гг. стала катализатором не только для реформирования журналистской практики, но также для концептуального пересмотра сложившихся представлений о нормативно-«правильном» понимании роли журналистики.

Надо сказать, в исследовательских кругах неоднократно звучала критика в адрес четырех теорий прессы как базиса нормативности журналистики. Так, существенным недостатком этой концепции называли игнорирование аудитории как самого важного участника процесса передачи информации [5, с. 16].

Кроме этого, концентрация внимания только на отношениях прессы с властью и, соответственно, свободе печати, порождает упрощенные схемы, которые быстро устаревают при изменении политической конъюнктуры [7, с. 15]. Авторы ревизии четырех теорий прессы методологическим пороком этой книги считали недооценку ведущей роли современной экономической зависимости СМИ от их владельцев и в этой связи предлагали пересматривать типы и политической зависимости печати от тех или иных властных структур и систем [15, с. 287].

Сегодня к пересмотру нормативных принципов подталкивают и такие факторы, как «концентрация собственности в сфере массмедиа, несущая угрозу соблюдению прав граждан на свободное выражение мнений и на получение достоверной информации; рост объема транснациональных и мультимедийных операций, которые могут подорвать национальную культуру или даже политический суверенитет; рост влияния телевидения и интернета как социальной силы, превосходящей или вытесняющей другие агентства социализации и контроля» (см. [8]).

Новые технологические условия добавляют аудиторному и экономическому факторам определенную специфику, которую важно учитывать при пересмотре нормативных предписаний для журналистики, действующей в конкретной социальной системе.

С одной стороны, благодаря технологиям у публики появился свой голос, что вызвало «антропологический поворот» в философском знании и утвердило для теории журналистики социальный детерминизм, поставив во главу угла проблему человека в новой информационной среде, стремление личности к полноте реализации ее сущностных сил» [16, с. 92]. С другой стороны, в работах, предлагающих «новое прочтение» нормативных теорий с учетом глобальных тенденций, слышны алармистские настроения в связи с ненадежностью и недоосто-

верностью новостей в новых онлайн-источниках и невозможностью публики доверять им. Кроме того, устойчивая коммодификация интернета вытесняет ранние обязательства перед публикой и обществом играть важную роль в демократическом процессе [17, с. 266].

Ситуацию усугубляет то, что «на новые медиа широко и успешно нацелились потенциальные коммуникаторы, стремящиеся встроиться в добровольную взаимосвязь людей и социальных медиа, чтобы продвигать свои коммерческие и идеологические цели. Открытость, свобода и анонимность интернета делают его открытым для хорошо оплачиваемых попыток управлять и манипулировать голосами и сообщениями в онлайн, от которых мало шансов защититься или что-то в них исправить» [17, с. 288–289].

По мнению Д. Халлина и П. Манчини, коммерциализация прессы превращает ее в крупный бизнес, который совершает «колонизацию публичной сферы»; видоизменяет многие традиционные атрибуты журналистской профессии и связи медиа с социумом, ставит под сомнение утверждения относительно ограниченной роли государства в медийных системах и представление о прессе как «независимом четвертом сословии»; формирует культурный тренд, направляющий к глобальной консьюмеристской культуре [18]. В этом тренде экономическая глобализация в отношении медийной индустрии играет важную роль. Ведь если СМИ коммерциализируются, это меняет функционирование журналистики, поскольку главной целью оказывается не распространение идей и создание вокруг них социального консенсуса, а производство развлекательного контента, который может заинтересовать рекламодателей и потребителей. На наш взгляд, перечисленные факторы актуализируют пересмотр нормативных представлений о социально ответственной журналистике, которые формировались в XX в.

Заключение. Предпосылки возникновения нормативных теорий прессы, в частности, теории социальной ответственности, возникли в 1930-е гг. в США и были обусловлены: разногласиями в толковании Первой поправки Конституции; противостоянием между властью, издателями и общественными интересами; критикой деятельности СМИ; стремлением владельцев журналов и газет сохранить права собственности и закрепить представление о «свободной прессе». Рассмотренные в данной статье нормативные представления о журналистике очерчивают образ «идеальных» предписаний для взаимодействия СМИ и других социальных институтов, предлагают критерии для исследования специфики журналистики в различных социально-исторических укладах. Вместе с тем, уникальный контекст, обусловленный политическими, экономическими, технологическими факторами, вызывает необходимость пересмотра сложившихся устойчивых концепций о нормах и ценностях журналистики сегодня, связанных с влиянием новых медиа на информирование и доверие аудитории, а также с дисфункциональными последствиями коммерциализации СМИ.

Литература

1. Михайлов, С. А. Современная зарубежная журналистика: правила и парадоксы / С. А. Михайлов. – СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 456 с.
2. Мамонтова, О. И. Развитие основных институтов саморегулирования СМИ в мире [Электронный ресурс] / О. И. Мамонтова. – Режим доступа : <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2010/5/razvitiye-osnovnykh-institutov-samoregulirovaniya-smi-v-mire/> Дата доступа : 05.01.2022.
3. Blanchard, M. A. The Hutchins Commission, the press and the responsibility concept [Electronic resource] / M. A. Blanchard. – Access mode : <http://www.aejmc.org/home/wp-content/uploads/2012/09/Margaret-A.-Blanchard.The-Hutchins-Commission.May-1977.pdf>. – Access date : 05.01.2022.
4. Бейтс, С. Об одной попытке избавить прессу от недостатков [Электронный ресурс] / С. Бейтс. – Режим доступа : [https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1996-45-46/1996-45-46%20\[263-268\].pdf](https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1996-45-46/1996-45-46%20[263-268].pdf). – Дата доступа : 05.01.2022.
5. Бакулев, Г. П. Массовая коммуникация: западные теории и концепции / Г. П. Бакулев. – М. : Аспект Пресс, 2005. – 176 с.
6. Сиберт, Ф. Четыре теории прессы / Ф. Сиберт, У. Шрамм, Т. Питерсон. – М. : Вагриус, 1998. – 196 с.
7. Корконосенко, С. Г. Нормативные теории журналистики в России : ретроспективный взгляд / С. Г. Корконосенко // Вопросы теории и практики журналистики. – 2014. – № 5. – С. 12–25.
8. Бакулев, Г. П. Нормативные теории массовой коммуникации [Электронный ресурс] / Г. П. Бакулев // Социологические исследования. – 2005. – № 1. – Режим доступа : <http://ecsocman.hse.ru/socis/msg/210706.html>. – Дата доступа : 15.12.2021.

9. Прохоров, Е. П. История преподавания и разработки теории журналистики [Электронный ресурс] / Е. П. Прохоров // Медиаскоп. – 2006. – № 1. – Режим доступа : <http://www.mediascope.ru/история-преподавания-и-разработки-теории-журналистики>. – Дата доступа : 05.01.2022.
10. Засурский, И. И. Реконструкция России. Масс-медиа и политика в 90-е годы / И. И. Засурский. – М. : Изд-во МГУ, 2001. – 288 с.
11. Потребин, А. В. Экономика и менеджмент СМИ : уч-метод. комплекс / А. В. Потребин. – Минск : БГУ, 2005. – 163 с.
12. Воробьев, В. П. Система СМИ Беларуси / В. П. Воробьев. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2002. – 252 с.
13. Дубовік, С. В. Даведнік журналіста / С. В. Дубовік. – Мінск : Выд.цэнтр БДУ, 2006. – 221 с.
14. Кулинка, Н. А. Время несбывшихся надежд : 17 интервью с белорусскими журналистами о 1990-х / Н. А. Кулинка, Н. А. Федотова. – Вильнюс : Логвинов, 2014. – 326 с.
15. Землянова, Л. М. Коммуникативистика и средства информации : англо-русский толковый словарь концепций и терминов / Л. М. Землянова. – М. : Изд-во Моск.ун-та, 2004. – 416 с.
16. Теория журналистики в России / под ред. С. Г. Корконосенко. – СПб. : Алетейя, 2018. – 254 с.
17. МакКуэйл, Д. Журналистика и общество / Д. МакКуэйл. – М. : МедиаМир ; Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013. – 368 с.
18. Землянова, Л. М. Теоретические принципы сравнительного анализа медийных систем в трудах Даниела Халлина и Паоло Манчини, их адептов и оппонентов [Электронный ресурс] / Л. М. Землянова // Медиаскоп. – 2013. – № 3. – Режим доступа : <http://www.mediascope.ru/node/1388>. – Дата доступа : 05.12.2021.

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 02.02.2022